

ЦЕННОСТЬ И ИСТИНА

Л.В. Максимов

ЗНАНИЕ И ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. Предметом исследования в данной статье является двойственный – одновременно ценностный и когнитивный – статус гуманитарных дисциплин. Несмотря на очевидное присутствие ценностного элемента в составе этих дисциплин (причём присутствие не только как объекта познания, но и в качестве собственной ценностной позиции учёного), они обычно квалифицируются в философско-методологической литературе только как отрасли знания, как особые науки (сопоставляемые с другими науками). В статье даётся иная трактовка структуры и функций гуманитарных дисциплин. Показано, что в этой сфере фактически сложились два взаимосвязанных и формально нераздельных, но по существу не совпадающих вида интеллектуальной деятельности: наряду с гуманитарными науками, которые описывают и объясняют реалии человеческого бытия, это ещё и ценностно-нормативные учения, выдвигающие и рационально обосновывающие те или иные жизненные установки людей. Методологической основой данного исследования является некогнитивистский подход, отстаивающий внепознавательную специфику ценностно-нормативных феноменов сознания, их принципиальную несводимость к знанию. Этот подход сформировался в последние несколько десятилетий как альтернатива традиционной когнитивистской парадигме, трактующей человеческую ментальность в целом как сферу исключительно знания и познания. Важным практическим следствием дискредитации когнитивистской парадигмы является радикальная переориентация методологии нравственного воспитания: отказ от традиционной «просветительской» установки (согласно которой ценности ретранслируются посредством передачи «знаний» о добре, долге и пр., т.е. посредством моральных прописей и назиданий), в пользу более эффективных методов психологического и социально-детерминистического воздействия на души воспитуемых.

Ключевые слова: гуманитарные дисциплины, гуманитарные науки, humanities, humaniora, знание, ценности, когнитивизм, некогнитивизм, редукционизм, метаэтика

Abstract. The subject of this research is the equivocal – simultaneously value and cognitive – status of humanitarian disciplines. Despite the obvious presence of the value component in composition of these disciplines (notably, presence not only as the object of cognition, but also as the scholar's own value position), they are usually qualified in the philosophical-methodological literature as the branches of knowledge, specific sciences (compared with other sciences). The article gives a different interpretation of the structure and functions of humanitarian disciplines. It is demonstrated that in this field have practically established the two interrelated and formally inseparable, but in essence, discordant types of intellectual activity: alongside the humanitarian sciences, which describe and explain the realities of human existence, it is also the value-normative doctrines, which suggest and rationally substantiate certain life orientations of the people. The methodological foundation lies in the non-cognitivist approach that stands for the beyond cognition specificity of the value-normative phenomena of consciousness, as well as their profound irreducibility to knowledge. This approach formed in the last several decades as the alternative to the traditional cognitivist paradigm that interprets human mentality in general as the area exclusively of the knowledge and cognition. The important practical result of discrediting of the cognitivist paradigm consists in the radical retargeting of the methodology of ethical upbringing: rejection of the traditional “educational” orientation (according to which, the values are retransmitting through the transfer of “knowledge” of good, duty, etc.; in other words, by means of moral edifications) in favor of the more efficient methods of psychological and socio-deterministic impact upon the souls of the educates.

Key words: Metaethics, Reductionism, Non-cognitivism, Cognitivism, Values, Knowledge, humaniora, humanities, Humanitarian sciences, Humanitarian disciplines.

Введение

Структура и состав гуманитарных дисциплин рассматриваются в философско-методологической литературе, как правило, в науковедческом кон-

тексте: речь чаще всего идёт об отличиях (по объекту и методам) гуманитарных наук от естественных и технических, а также (в некоторых аспектах) и от наук социальных. Этот действительно важный для науковедения сопоставительный анализ науч-

ных дисциплин может быть продуктивным лишь при том условии, что сфера гуманитарных наук (и гуманитарного знания вообще) достаточно чётко выделена из той более широкой и неоднородной области духовной деятельности, для обозначения которой в русскоязычной литературе употребляются слова и выражения *гуманитарные дисциплины*, *гуманитарная мысль*, *гуманитария*, *гуманитаристика*, а в публикациях на других европейских языках используются термины *humanities* (англ.), *humaniora* (лат.) и некоторые другие.

Что такое «гуманитарная мысль»? Понятие *мысль* в данном контексте – это совокупность рационально-понятийных рассуждений, т.е. таких построений, которые включают в себя (по отдельности или в сочетании) следующие операции: познание (т.е. описание и объяснение каких-либо реалий), идеальное конструирование новых реалий, выдвижение и обоснование тех или иных суждений, концепций, планов, целей. Понятие *гуманитарный* означает «относящийся к человеку» – человеку одновременно и как мыслящему, познающему существу, и как субъекту – творцу и носителю ценностей, т.е. «жизненных ориентиров» (целей, идеалов, потребностей, норм и пр.), направляющих поведение человека и определяющих его отношение к внешнему для него миру. Из этих определений следует, что область гуманитарной мысли (именно как «мысли») не охватывает такие духовно-деятельностные формы проявления разумной и ценностной природы человека, в которых эта деятельность не рефлектируется, т.е. её ценностные ориентиры не исследуются и не обосновываются, а непосредственно *выражаются* (вербально или невербально) в проповеди, пропаганде, беллетристике, рекламе, суггестии, в художественном творчестве – музыке, живописи и вообще везде, где применяются внерациональные приёмы воздействия на чувства слушателей, зрителей или читателей. Точно так же к гуманитарной мысли (именно как «гуманитарной») нельзя отнести ценностно-нейтральные суждения о мире естественном, природном, в том числе знания о человеке как биологическом существе, поскольку при этом остаётся в стороне ценностный мир человека.

Таким образом, гуманитарная мысль включает в себя два элемента: гуманитарное знание (познание) и рационально фундированные ценностно-нормативные учения, конечный продукт которых – не «знания», а «ценности». Эти элементы не просто сосуществуют в составе гуманитарной мысли, они пересекаются, взаимодействуют, сохраняя при этом свою специфику, не сливаясь в нечто синкретичное, однородное. Поэтому было бы ошибкой

обозначать всю обширную сферу гуманитарной мысли как «познание» (а тем более познание «научное»). При всей зыбкости границ, разделяющих эту сферу на две указанные части, большинство гуманитарных (или социально-гуманитарных) дисциплин не может быть безоговорочно, целиком и полностью причислено к корпусу наук. К немногочисленным исключениям относятся: социология, лингвистика, филология и некоторые другие дисциплины, в целом отвечающие общенаучным критериям (хотя те или иные конкретные труды, формально относимые к этим наукам, нередко несут в себе определенную ценностно-нормативную интенцию, несовместимую с духом науки). Основная же номенклатура гуманитарии (а именно – философская антропология, этика, правоведение, эстетика, педагогика, культурология, религиоведение и пр.) двойственна в указанном отношении: каждая из этих дисциплин фактически совмещает в себе научное (или, в более широком плане, – когнитивное) и ценностно-ориентированное содержание. В некоторых случаях этот факт находит отражение в разведении указанных двух видов интеллектуальной продукции по разным разделам одной и той же дисциплины; так, в учебных программах по этике принято различать этику теоретическую (где исследуется феномен морали – его специфика, происхождение, исторические трансформации, общественные функции и т.д.) и этику нормативную (выдвигающую рациональные доводы в защиту той или иной моральной позиции).

Тем не менее представление о гуманитарии в целом как сфере исключительно *научного* познания (пусть даже с оговоркой о познании «особого рода») продолжает доминировать в современном науковедении, так же как и в самосознании гуманитарной мысли. При этом под «наукой» понимается не только подлинно научный *компонент* гуманитарии (наличие которого является фактически общепризнанным), но и её ценностно-нормативная составляющая, несмотря на то, что по поводу «научного» – и вообще «познавательного» – статуса ценностей и норм высказываются обоснованные сомнения со стороны так называемых «нонкогнитивистов», представляющих одно из течений в русле аналитической философии XX-XXI вв. (первоначально – в рамках аналитической школы, получившей название «метаэтика») [4; 13; 15; 16; 17].

К истории разграничения знаний и ценностей

В явном виде идея различения и сопоставления знаний и ценностей в гуманитарии впервые была высказана еще на рубеже XIX-XX вв. в трудах нео-

кантианцев Баденской школы – В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Выяснение специфики гуманитарных наук не только через их предмет (как у Дильтея), но и через методологию, позволило Виндельбанду и особенно Риккерту в положении об идиографическом (индивидуализирующем) методе предвосхитить позднейшее разделение научного и ценностного в гуманитарии. Риккерт различил *оценку* (формально выносимую им за пределы науки), и *отнесение к ценности*, – интеллектуальные операции, нередко смешиваемые, как он заметил, историками. Метод отнесения к ценностям (развитый позднее М. Вебером) рассматривался при этом как способ получения «объективного знания», противопоставленный «субъективным оценкам». Однако фактически «отнесение к ценности» – это тоже оценка, отличная от «субъективной» оценки лишь тем, что при её вынесении используются (в качестве критерия или основания) некие «объективные» или, точнее, «общезначимые», общепринятые ценности (а не личные ценностные установки исследователя, которые могут отличаться от общезначимых). И поскольку «отнесение к ценности» трактуется неокантианцами как специфически гуманитарный метод *познания*, можно заключить, что неокантианская методология остается в русле традиционной когнитивистской парадигмы, для которой все проявления духовной активности суть знания и познание [7, с. 456-457]. Иными словами, наличие ценностно-нормативных суждений в гуманитарных построениях при таком подходе не считается препятствием для придания им научного статуса.

Неокантианцы не рассматривали ценностное отношение исследователя к изучаемому объекту (явно присутствующее в традиционных гуманитарных дисциплинах) как самостоятельный вид отношений, принципиально отличный от познавательного; для них ценностное отношение есть нечто органически свойственное гуманитарной науке, нечто сопутствующее познанию. Их интересовала роль (функция) ценностных установок учёного в *процессе* гуманитарно-научного познания человеческого мира, вопрос же о познавательной или непознавательной *природе* ценностей ими не ставился в явном виде, он затрагивался лишь спорадически и был на обочине методологических интересов этих философов. Формально различая и противопоставляя знания и ценности, фактически они считали ценностные (оценочные и императивные) суждения неотъемлемым элементом гуманитарных наук, т.е. по сути трактовали эти суждения как вид знания. Иначе говоря, они признавали одинаковый научный статус и ценностно-ориен-

тированных гуманитарных дисциплин, или «наук о духе» (“Geistwissenschaften” – нем.), и свободных от ценностных вкраплений «наук о природе».

Неопозитивисты 20-х – 30-х гг. XX в. (М. Шлиц, Р. Карнап и др.) рассматривали ценностные суждения в одном ряду с метафизическими как эмпирически непроверяемые (неверифицируемые) и потому «бессмысленные», отрицая на этом основании научный статус не только философии (метафизики), но и гуманитарных дисциплин, поскольку их язык содержит оценочные и нормативные высказывания. Эта позиция прямо противоположна неокантианской в том отношении, что она полностью выносит гуманитарии за пределы науки. Вместе с тем можно заметить, что неопозитивизм на этом этапе своей эволюции еще не ставил под сомнение когнитивный характер метафизических и ценностных высказываний, хотя и считал их неверифицируемыми. Это значит, что признание научной «неполноценности» гуманитарии не посягает на традиционную когнитивистскую парадигму, относящую гуманитарную мысль (как и всю человеческую духовность) всецело к категории «знания». И только позднее в рамках этого широкого философского направления сложилась уже упомянутая выше концепция некогнитивизма, согласно которой оценочные и императивные слова и выражения не обозначают какие-либо предметы и свойства, а выражают определенные чувства говорящего (эмоции, аффекты и т.п.) и потому не являются знанием о чём-либо.

Однако попытки некогнитивизма доказать непознавательную специфику ценностно-нормативных суждений и тем самым освободить их от чрезмерной методологической опеки со стороны теории познания и науковедения оказались малоэффективными. В значительной мере это объясняется исторически сложившейся неопределённостью, многозначностью самого слова «знание» как в быденном языке, так и в философском лексиконе. Разнообразные трактовки знания можно свести к двум основным типам.

(1) Слово «знание» в его узком и строгом смысле (задаваемом преимущественно научным контекстом) обозначает объективно-истинное, эмпирически и/или теоретически обоснованное (причём осознаваемое субъектом в качестве такового) отображение объекта; т.е. знание – это «соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта» [10, с. 135]. В этом случае под «знанием» понимаются только те когнитивные формы, которые сопровождаются рефлексией и рациональной обоснованностью и которые против-

поставляются другим когнитивным формам, не обладающим этими признаками, а именно – мнению, вере, воображению, фантазии, заблуждению и пр.

(2) Знание в более широком его понимании включает многообразные мыслительные конструкции, репрезентирующие реальные или воображаемые объекты; т.е. родовым признаком знания выступает здесь именно (и только) наличие *репрезентации* чего-либо в человеческом духе, видами же его (в зависимости от принятого основания классификации) могут быть, например, наглядные образы и абстрактные формулы, эмпирия и теория, наука и метафизика, гипотезы, мифы и т.д.

(3) Наконец, знание, трактуемое в самом широком смысле, объемлет всю сферу «духа» (психики, сознания, субъективной реальности), т.е. принадлежность некоторого феномена к «внутреннему миру» человека сама по себе уже рассматривается как показатель его когнитивности.

Вот это последнее понимание знания (которое, очевидно, вбирает в себя и два предыдущих в качестве «частного случая») получило название «когнитивизм». Впрочем, непосредственным предметом его спора с некогнитивизмом был, как уже отмечено, вопрос о познавательном статусе не любых, а вполне конкретных феноменов духа, именно – ценностно-нормативных позиций людей, ценностных форм сознания. Главным стимулом когнитивистов в этом споре было стремление отстоять возможность доказательства «истинности» тех или иных ценностей, признав их «знаниями», и тем самым повысить рейтинг ценностно-ориентированных гуманитарных дисциплин, поставив их в один ряд с естественными и прочими науками.

Как пишет И.Т. Касавин, «не только обыденное суждение, эмпирическое протокольное предложение или научная теория, но и философская проблема, математическая аксиома, нравственная норма, художественный образ, религиозный символ имеют *познавательное* содержание (курсив мой. – Л.М.). Все они характеризуют исторически конкретные формы человеческой деятельности, общения и сознания, связанные с адаптацией, ориентацией и самореализацией во внешнем и внутреннем мире» [3, с. 51]. В качестве видов (или типов) *знания*, помимо названных, упоминаются также *умение* и *практическое* знание (включающее в себя, в частности, «нормативные компоненты»). Указать какой-либо сквозной признак, общий для всего перечисленного, вряд ли возможно, поэтому исходная дефиниция цитируемой статьи (а именно: «Знание – форма социальной и индивидуальной памяти, свёрнутая форма деятельности и общения, результат обозначения, структурирования

и осмысления объекта в процессе познания» [3, с. 51]) носит комплексный характер, т.е. содержит по существу несколько разных признаков, каждый из которых относится лишь к некоторым видам духовных реалий, причисляемых к знанию. Можно сказать, что под именем «знания» здесь фактически фигурируют как действительно познавательные, так и *внепознавательные*, а именно – ценностно-нормативные составляющие общественного сознания и гуманитарии.

Парадигмой знания, интерпретированного в репрезентативном смысле, является наука. Эту мысль высказал, в частности, Э. Агацци (Agazzi), подчеркнув, что понятие науки сейчас связывается не с определенным содержанием и не с определенными дисциплинами (математикой и естествознанием, как это было раньше), а с особым способом анализа своего содержания, т.е. с методом. Научный метод характеризуется двумя фундаментальными качествами: строгостью и объективностью [1, с. 10-12]. Если последовательно придерживаться указанной интерпретации термина «знание», то *виды* знания, альтернативные научному, имеет смысл выделять только по одному критерию, именно – по степени их «недоотягивания» до научного образца; т.е. все виды знания (в указанной их трактовке) находятся на одной и той же иерархической лестнице, верхнюю ступень которой занимает продукция науки как специализированной познавательной деятельности, осуществляемой в соответствии с выработанными научным сообществом (и постоянно совершенствующимися) канонами. К ненаучному или «не вполне научному» знанию – но именно «знанию», представляющему собою некоторую идеальную модель реальности – можно отнести, например, умозрительное, или обыденное, или вообще любое недостаточно строгое и доказательное знание. Что же касается моральных норм, художественных образов, религиозных символов и пр., то их вообще нельзя считать особыми видами *знания*; они альтернативны не только научному, но и *любому знанию*, поскольку не являются когнитивными феноменами или, во всяком случае, содержат в себе существенный (определяющий их специфику) некогнитивный элемент – императивно-ценностную, прескриптивную интенцию. Поэтому те гуманитарные дисциплины, которые не только производят знание, но и отстаивают, рационально обосновывают какие-либо ценности (моральные, правовые, политические, религиозные, эстетические или иные), не могут быть квалифицированы как гуманитарные науки.

Трудности с демаркацией научной и вненаучной частей гуманитарии во многом связаны с

устоявшейся в западной философии многозначностью упомянутых выше терминов *humanities* и *humaniora* (оба термина имеют форму множественного числа). В русском языке нет точного аналога для этих терминов; тем не менее в нашей литературе (включая общелексические и специальные словари) их часто переводят как «гуманитарные науки»; причём, надо заметить, эклектичность и разнообразие дефиниций этих терминов в западных энциклопедиях и толковых словарях дают формальные основания для такого перевода. Так, в англоязычной «Wikipedia» слово *humanities* определяется как «академические дисциплины, которые изучают (*study*) человеческую культуру, используя преимущественно критические, или спекулятивные, методы, имеющие также значительный исторический элемент – в отличие от преимущественно эмпирических подходов естественных наук». Кроме того, *humanities* «включают в себя древние и современные языки, литературу, философию, религию, изобразительные и исполнительские искусства, такие как музыка и театр». Наконец, *humanities* «также иногда рассматриваются как социальные науки, включая историю, антропологию, регионоведение, теории коммуникации, культурологию, юриспруденцию и лингвистику» [14].

Нетрудно видеть, что в этом определении эклектически смешаны признаки *академических дисциплин* (изучаемых, осваиваемых студентами и школьниками) и *социальных наук*, изучающих, исследующих человеческий мир. Очевидно, любая наука (т.е. полученное ею знание) в принципе может стать содержанием академической дисциплины, но отнюдь не любая академическая дисциплина является «наукой» в ныне принятом строгом смысле этого слова. Гуманитарная академическая дисциплина может сочетать в себе знание (как продукт научного исследования) и вненаучный (вообще – внепознавательный) ценностно-нормативный дискурс. *Humanities* же, в дополнение к этому, охватывают некоторые виды деятельности, занятия (овладение языками, танцы, музыка и пр.), обобщающий родовой признак которых весьма размыт.

Полемика по поводу когнитивного статуса ценностей

В последние два-три десятилетия в отечественной и зарубежной философско-методологической литературе – в противовес классической идее о ценностно-нейтральной природе научного знания – активно проводится мысль о том, что на нынешнем этапе развития науки ценностный компонент

становится её обязательным атрибутом, т.е. входит в само тело научного знания. Так, по мнению В.С. Стёпина, в современной «постнеклассической» науке «трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования» [9, с. 28]. Эту трансформацию В.С. Стёпин связывает с появлением в качестве объекта исследования «человекообразных систем, включающих человека и его деятельность в качестве составного компонента». Поэтому «объективно истинное объяснение и описание применительно к “человекообразным” объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [9, с. 28]. Т.е. по сути речь идёт о правомочности и необходимости включения ценностных суждений в научные тексты, описывающие и объясняющие всё, что связано с жизнедеятельностью людей.

«Каждый факт нагружен ценностью, и каждая из наших ценностей нагружает некоторый факт»; различие между фактом и ценностью «является по меньшей мере безнадежно размытым, потому что сами фактические заключения и практики научного исследования, на которые мы опираемся в решении, что является фактом, а что нет, предполагают ценности», – пишет американский философ, «прагматический реалист» Хилари Патнэм (Hilary Putnam) [8, с. 262, 172], автор многочисленных работ, посвящённых критике неоконгнитивизма в метаэтике и вообще в методологии науки. Можно сказать, что именно его труды послужили стимулом и основным источником для многих других современных авторов, работающих в том же направлении.

Л.А. Микешина в своём фундаментальном исследовании «Философия познания» (2002), в главе II – «Значение когнитивного опыта гуманитарных наук для философии познания», призывает методологов науки опираться не только на естественнонаучную модель с её абстрактно-обезличенным субъектом познания. Ссылаясь на исследования М.М. Бахтина, Д.С. Лихачёва и С.С. Аверинцева, она доказывает, что и в конкретных гуманитарных науках (например, литературоведении), и в общей эпистемологии «абстрактно-гносеологические, нормативно-рациональные подходы сегодня переосмысливаются и существенно дополняются ценностными, социокультурными и историческими аспектами. В литературоведении – это движение от узко лингвистического подхода к дополнению его философско-эстетическими, мировоззренческими и культурно-историческими сущностными факторами. В эпистемологии – это стремление преодолеть предельную абстрактность субъекта и логико-гносеологического анализа, разработать

понятийный аппарат для учёта социокультурных, вообще ценностных предпосылок познания» [5, с. 370].

Очевидно, однако, что литературоведение никогда не сводилось к «узко-лингвистическому» (т.е. специально-научному) подходу: как и многие другие гуманитарные дисциплины, литературоведение всегда содержало в себе и различные оценки – эстетические, моральные, политико-идеологические и другие. В этом суть и специфика гуманитарных дисциплин, а не проявление какой-то особой сегодняшней тенденции. Но литературоведение, конечно, не сводится также и к оценкам, его научная составляющая включает в себя различные методы и методики (структурно-лингвистические, аналитические и пр.), применение которых позволяет осуществлять непредвзятое, объективное исследование тех или иных сторон литературных произведений. Гуманитарные науки (в той мере, в какой они действительно являются науками), несомненно, отличаются от естествознания именно тем, что им приходится исследовать человеческие ценности (ценностные позиции), и для этого в самом деле необходимы особые познавательные подходы (в частности, «понимание», о чем много писали Бахтин, Гадамер и другие видные философы). Но в любом случае не следует смешивать научное исследование ценностных позиций и *сами* ценностные позиции.

В другой книге Л.А. Микешиной – «Эпистемология ценностей» (2007) – проводится мысль о том, что принятая «философами-аналитиками» дихотомия «знание – ценности» (или «факты – ценности») ошибочна. Главный аргумент, подкрепляющий критику этой дихотомии (аргумент, который широко используется и многими другими авторами – отечественными и зарубежными), состоит в указании на то, что познавательный процесс пронизан ценностями: знание есть ценность, истина есть ценность, и стремление к этим ценностям является движущей силой познания. По сути, «аналитики» обвиняются в том, что они «разрывают» знания и ценности, в действительности тесно переплетённые в человеческом духе вообще и в познании – в частности.

Однако этот аргумент не имеет достаточных оснований: дихотомия «знание – ценности» фиксирует не «разрыв», а «различие» этих духовных реалий. Переплетение, *взаимодействие* знаний и ценностей в познавательной деятельности не означает, будто ценности суть вид знания: ценности (ценностные позиции, ценностные суждения) не являются знаниями и не могут быть редуцированы к знанию. То обстоятельство, что познание направляется и регулируется теми или иными ценностными позициями ученого и различными социокультурными факто-

рами, вообще говоря, никем не подвергается сомнению и не может рассматриваться как свидетельство когнитивной природы ценностей. Познавательный процесс (и его результаты) давно уже является объектом не только логико-гносеологического, но также и социально-психологического исследования. Да и сама мысль о том, что ценностные позиции познающего субъекта сказываются на ходе и результатах познания, высказывалась еще античными авторами (например, софистами) и, конечно, философами нового времени (например, Ф. Бэконом). Безусловно, имеются (и затрагиваются в книге Микешиной, как и в других работах, на которые она ссылается) очень важные для философии познания проблемы: коль скоро познание направляется человеческими (и тем самым «субъективными») ценностями, то возможна ли в принципе объективная истина? И вправе ли исследователь (и если вправе, то при каких условиях) отвлечься, абстрагироваться от социокультурных и психологических факторов, влияющих на ход и результаты познания? Возможны разные ответы на эти вопросы, но никакое из предлагаемых решений не может служить опровержением тезиса о принципиальной разнородности (по субстрату и функциям) и о взаимной нередуцируемости когнитивных и ценностных феноменов сознания.

Тем не менее в книге Л.А. Микешиной и в других источниках приводится ряд аргументов против некогнитивистского подхода в гуманитарии. «Жёсткое противопоставление когнитивного и ценностного (некогнитивизм), – пишет Л.А. Микешина, – основано, как мне представляется, на стандартной концепции познания, рассматривающей ценность как нечто внешнее и даже чуждое знанию... Наука создала жёсткие критерии, посредством которых оценивается новое знание, не зависящее от субъективных факторов – предубеждённости, эмоций или личной заинтересованности, которые могли бы исказить восприятие учёными внешнего мира... Стандартная концепция отождествляет себя с наукой как таковой и не подвергает рефлексии свои предпосылки и основания, полагая их фундаментальными и единственно возможными. В этом же контексте понимаются и сами ценности, понимаются узко, только как одна из форм – психологическая – их проявлений, т.е. как мотивы, побуждения, склонности, эмоции, что сегодня уже не может считаться достаточным и верным. Разумеется, требование различать два подхода: “ценность как знание” и “знание и ценности” имеет все основания и предполагается в любом эпистемологическом исследовании, однако это не означает, что необходимо и возможно категорически “разводить” ценности и знания, как феномены различной природы» [6, с. 8].

Далее Л.А. Микешина отмечает близость своего подхода к позиции Ю. Хабермаса (Habermas), «который против “онтологического дуализма”, т.е. разведения ценностей и фактов, речь идет, скорее, о “методологическом различии между науками”: в одном случае (например, в теории морали) опираются на критерии нормативной правильности, в другом – на критерии пропозициональной истинности. Обращаясь к рассмотрению дискуссии между когнитивистами и скептиками, он ссылается на разработанную им этику дискурса, которая покоится на допущении о том, что “притязания на нормативную значимость обладают когнитивным смыслом и могут рассматриваться *подобно* притязаниям на истинность” [11, с. 108]. Это возможно потому, что этика дискурса предлагает не содержательные ориентиры, но опирающуюся на определённые предпосылки процедуру» [6, с. 8].

На мой взгляд, приведённое здесь утверждение Ю. Хабермаса носит весьма неопределённый характер и, несмотря на стоящие за ним пространные рассуждения автора, не содержит достаточно обоснованной теоретической позиции, альтернативной некогнитивизму. Остаётся непонятным, в чём же проявляется «когнитивный смысл» нормативных суждений? И на каком основании «нормативная значимость» *может рассматриваться* как нечто «подобное истинности»? Да и в любом случае «подобие» не означает «тождественности», так что даже если указанная параллель между «значимостью» и «истинностью» имеет место, она вовсе не свидетельствует о когнитивном статусе нормативно-ценностных суждений.

Ещё один довод в пользу признания ценностей и оценок «знаниями» – это отнесение их к знанию *особого рода*: «оно не об объекте с его параметрами, но о субъекте, оно “на другой стороне”, на стороне субъекта» [6, с. 8]. Как это понять? Очевидно, имеется в виду, что некий сторонний наблюдатель, фиксирующий оценки, выносимые субъектом, может благодаря этому кое-что узнать об этом субъекте. Это, конечно, верно, но разве отсюда следует, будто сами ценности и оценки субъекта суть знания (хотя бы и «особого рода»? В предложенном раскладе они являются исключительно *объектами* познания, а отнюдь не его *продуктами* – знаниями.

Можно выделить, следовательно, два методологических подхода, на основании которых все гуманитарные дисциплины – в том числе и те, которые несут в себе ценностно-нормативную интенцию – трактуются всецело и исключительно как отрасли знания (научного или вненаучного).

Первый из этих подходов – традиционный когнитивизм, представляющий собой неререфлексиру-

ванную, *интуитивно принятую* многими гуманитариями парадигмальную идею, согласно которой все без исключения феномены духа суть виды единого общего рода – знания. Несознаваемая когнитивистская парадигма продолжает доминировать в гуманитарной мысли, несмотря на её резкую и основательно аргументированную критику со стороны некогнитивистов. Эта критика остаётся просто незамеченной, поскольку когнитивный статус всех феноменов духа представляется большинству научного сообщества самоочевидным. Второй подход – это когнитивизм *концептуальный*, осознанно и целенаправленно отстаивающий идею о возможности методологической редукции сознания к знанию и познанию. Сторонники этой концепции, правда, признают определённую специфику ценностей относительно знания, но при этом считают ошибочным проводимое некогнитивистами жёсткое размежевание этих двух элементов человеческого духа. Основной упор в их аргументации делается на демонстрации взаимодействия знания и ценностей, органической включенности ценностей в познавательный процесс; кроме того, они обращают внимание на то, что формирование и практическое воплощение ценностных установок невозможно без участия когнитивной составляющей сознания.

Однако при этом упускается из виду то обстоятельство, что *взаимодействие* знания и ценностей само по себе ни в коей мере не свидетельствует о *превращении* ценностей в знание, об их «растворении» в знании; т.е. ссылка на указанное взаимодействие вовсе не опровергает основной тезис некогнитивизма о несводимости прескриптивных (ценностно-нормативных) элементов гуманитарии к дескриптивным (описательно-объяснительным).

* * *

Таким образом, имеются достаточные основания утверждать, что ценностный когнитивизм не только в его упрощённом, стихийно сложившемся виде, но и в теоретически завуалированном варианте трактует все гуманитарные дисциплины и их тематические разделы только как формы знания, проходящие исключительно по ведомству эпистемологии и науковедения, т.е. без учёта *некогнитивности* ценностно-нормативных элементов гуманитарной мысли. Эта устойчивая когнитивистская парадигма гуманитарии лежит в основе так называемого «просветительского» подхода (характерного отнюдь не только для эпохи Просвещения), согласно которому позитивные ценностные установки человек получает путем усвоения *знаний* о добре, долге, достоинстве, смыс-

ле жизни и пр., – знаний, распространяемых через систему образования и другие формы обучения. Реальный многофакторный процесс *формирования* индивида в духе определённых ценностей (под влиянием социальной среды, условий жизни, целенаправленных воспитательных воздействий, включающих, конечно, и передачу знания о мироустройстве, о человеческих отношениях) фактически подменяется здесь одними только операциями «познания ценностей». По сути в том же «просветительском» русле идёт ещё одна популярная в западной педагогике установка, согласно которой усилия воспитателя должны быть направлены

преимущественно на развитие мыслительных способностей воспитуемого, поскольку, мол, только с помощью собственного разума человек может *постигнуть* основополагающие моральные «истины» [12, с. 21]. Очевидная неэффективность подобных воспитательных технологий, основанных на когнитивистской посылке, даёт повод усомниться в её правомерности и побуждает к принятию альтернативного – т.е. некогнитивистского – методологического принципа, трактующего ценности как особые феномены человеческого духа, формирование и функции которых принципиально отличны от познавательных процессов.

Список литературы:

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: Московский философский фонд, 1998. 344 с.
2. Калинин В.В. Науки о духе // Современная западная философия. Словарь. М.: ТОН – Остожье, 1998. 544 с.
3. Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. 692 с.
4. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 160 с.
5. Микешина Л.А. Философия познания: Polemicheskie glavy. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 622 с.
6. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
7. Михайлов И.А. Риккерт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 634 с.
8. Патнэм Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. М.: Практика, 2002. 296 с.
9. Степин В.С. Наука // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 634 с.
10. Филатов В.П. Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология и философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2004. Т. 1. № 1. 256 с.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
12. Хэр Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность. М.: ИФРАН, 1995. 197 с.
13. Coulter J. Twenty-Five Theses against Cognitivism // Theory, Culture and Society. 2008. Vol. 25(2). P. 19-32.
14. Humanities // Wikipedia. (Autumn 2016 Edition). URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Humanities>.
15. Svensson F. Does Non-Cognitivism Rest on a Mistake? // Utilitas. 2007. Vol. 19 (2). P. 184-200.
16. van Roojen M. Moral Cognitivism vs. Non-Cognitivism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. (Winter 2012 Edition). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/moral-cognitivism>.
17. Watson R., Coulter J. The Debate over Cognitivism // Theory, Culture and Society. 2008. Vol. 25 (2). P. 1-17.

References (transliterated):

1. Agatstsi E. Moral'noe izmerenie nauki i tekhniki. M.: Moskovskii filosofskii fond, 1998. 344 s.
2. Kalinichenko V.V. Nauki o dukhe // Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Slovar'. M.: TON – Ostozh'e, 1998. 544 s.
3. Kasavin I.T. Znanie // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 2001. 692 s.
4. Maksimov L.V. Kognitivizm kak paradigma gumanitarno-filosofskoi mysli. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2003. 160 s.
5. Mikeshina L.A. Filosofiya poznaniya: Polemicheskie glavy. M.: Progress-Traditsiya, 2002. 622 s.
6. Mikeshina L.A. Epistemologiya tsennostei. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 439 s.
7. Mikhailov I.A. Rikkert // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 2001. 634 s.
8. Patnem Kh. Razum, istina i istoriya / Per. s angl. M.: Praxis, 2002. 296 s.
9. Stepin V.S. Nauka // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 2001. 634 s.
10. Filatov V.P. Obsuzhdaem stat'yu «Znanie» // Epistemologiya i filosofiya nauki. Nauchno-teoreticheskii zhurnal po obshchei metodologii nauki, teorii poznaniya i kognitivnym naukam. 2004. T. 1. № 1. 256 s.
11. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie / Per. s nem. SPb.: Nauka, 2001. 380 s.
12. Khear R. Kak zhe reshat' moral'nye voprosy ratsional'no? // Moral' i ratsional'nost'. M.: IFRAN, 1995. 197 s.
13. Coulter J. Twenty-Five Theses against Cognitivism // Theory, Culture and Society. 2008. Vol. 25(2). P. 19-32.
14. Humanities // Wikipedia. (Autumn 2016 Edition). URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Humanities>.
15. Svensson F. Does Non-Cognitivism Rest on a Mistake? // Utilitas. 2007. Vol. 19 (2). P. 184-200.
16. van Roojen M. Moral Cognitivism vs. Non-Cognitivism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. (Winter 2012 Edition). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/moral-cognitivism>.
17. Watson R., Coulter J. The Debate over Cognitivism // Theory, Culture and Society. 2008. Vol. 25 (2). P. 1-17.